

Лебедев Е.

мв., 1992

КАЛЕНДАРЬ

Жан и сцен. - 1992 - 16-23 мв (м 3) - с. 15

— Актер умирает дважды. Один раз — смертью сценической, другой раз — реальной. Наверное, нужно почувствовать, когда оставить подмошки: старику играть старика опасно, потому что старость проявляется в роли в своем прямом, физическом качестве. Актер же должен представлять, изображать.

Если я здоров, полон сил, то могу

Готовцев, а я его старался навестить всякий раз, когда бывал в Москве, поведал мне историю, которую я вспоминаю тем чаще, чем дольше живу. Однажды он сидел на лавочке в скверике напротив Моссовета и беседовал с незнакомым ему и тоже старым человеком. И вдруг этот старик говорит: в Художественном театре был актер, которого я помню по многим ролям; ваш голос напоминает мне голос Готовцева.

Владимир Васильевич не сказал ему, что он и есть тот актер, но, рассказывая мне об этом случае, по-детски радовался.

Признаюсь: предварительные разговоры позволяли думать, что монолог Евгения Лебедева (замечательному актеру исполнилось 15 января семьдесят пять лет) можно будет определить сверхзадачей «попробую сыграть себя». То есть посмотреть на себя как бы со стороны. Однако Лебедев не был бы Лебедевым, если бы в последнюю минуту не сымпровизировал и не сказал о том, что представляется ему более занимательным.

Мы бы сказали, более важным, но слово это не в характере и не в лексиконе Лебедева, а потому не будем уточнять.

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

«НАДЕЮСЬ, ЧТО ВЕРА МОЯ МНЕ ПОМОЖЕТ»

играть семидесятилетнего; мне же в моем возрасте нужно придумать, увидеть стодвадцатилетнего — тогда он получится семидесятилетним. Крутицкому в «Мудреце» по сегодняшним меркам не так уж много — за шестьдесят, а у меня он чуть ли не девяностолетний. Полный рамоли, что и дает мне способ его представить.

Как бы актер ни вживался в образ, как бы ни сливался с ним, он его представляет и не теряет контроль над тем, что делает на площадке. Я могу «выйти» из своего сценического состояния, и в то же время, если ночью меня разбудит, могу «включиться» в роль, даже если не сразу вспомню текст. Для этого нужен спектакль.

Как бы ни соединялась роль с моей биографией, как бы ни совпадали мои поступки с поступками того, кого я изображаю, это не значит, что я играю себя. Я только «вкладываю» себя в человека, которому близки мои мысли, отношение к жизни.

Мой педагог Готовцев, в свое время известный актер МХАТа-II, ушел из жизни, когда ему было года девяносто два, не меньше. А сцену оставил до семидесяти и перестал преподавать в ГИТИСе еще раньше. Я его спрашивал — почему вы ушли из института? Потому, отвечал он, что молодежь, которая пришла, говорит со мной на разных языках, и я не хочу навязывать ей то, что ее не интересует. Нужно, чтобы я их понимал и с ними вместе вырастал из них актеров.

Это, конечно, точка зрения максималиста, но достойная и, как мне кажется, верная, хотя я знаю опытных режиссеров, актеров, которые учат прекрасно. Но это бывает тогда, когда возраст не мешает чувствовать современно.

ся. Был счастлив, что его помнят по тем временам, когда он был в расцвете сил.

Как и все, я очень люблю Аркадия Райкина. Помню одно из первых его выступлений в Москве, в Колонном зале. Концерт или эстрадный конкурс, боюсь ошибиться, вели Кара-Дмитриев и Гаркави. В Гаркави все свидетельствовало, что он артист — то, как свободно он разговаривал с публикой, отвечал на реплики из зала. Но вот в последнем отделении на сцене появился человек, и я решил, что кто-то из публики зачем-то пробрался на сцену. Но когда этот «пробравшийся» начал показывать Чаплина, а потом «ученого», толковавшего первые строфы «Евгения Онегина», он произвел в зале буквально переворот. Мне показалось, что искусство Гаркави и Кара-Дмитриева — уходящее искусство, а пришло новое и живое.

Я бывал на концертах Аркадия Исаковича часто, видел его и тогда, когда ему было немало лет, и к моему восхищению прибавилось тревожное чувство. Я волновался за него не как за художника, а как за человека, которому может вдруг стать плохо.

Никогда не забуду Амвросия Бучму в «Украденном счастье». Он играл прекрасно, Ужвий и Добровольский тоже, но я думал, как можно в таком возрасте (а он у всех был преклонным, у Бучмы особенно) убить соперника из ревности топором? Чувства не умирают, но тогда в пьесе, если она правдива, будет другая логика, а здесь логика тридцатилетних.

Мои домашние могут засвидетельствовать, что я готовил себя к тому, чтобы оставить сцену после семидесяти лет. Но меня начали убеждать, что я выгляжу моложе, чуть ли не на целый десяток, и я попал в ловушку к самому

себе и все время об этом думаю.

Наш театр собирается ставить «Петербург» Андрея Белого. Мне предлагают роль Аблоухова, а у меня из памяти не уходит Михаил Чехов. Природа романа Белого исключает натуральность, и, наверное, молодой Чехов представил старую Аблоухова остротой. Стоит посмотреть на его фотографию в роли, на его грим, на его оттопыренные уши. В этом прелесть, в этом актерская игра!

Читаю и перечитываю «Короля Лира», которого мне очень хотелось сыграть, но боюсь, что теперь не смогу этого сделать. Не хватит сил — ведь Лира я представляю себе ведьмой. В смысле ведьминского, жестокого начала. Он построил государство, основанное на лжи, и превратил всех в бесстыдных лстецов. Все твердят — ты гений, и он перестает верить в это только тогда, когда теряет корону.

Тихо все делалось, благопристойно, а на самом деле ужасно. Дочери предали отца и сын предал отца, потому что и он, и они были вскормлены системой, которую создал не кто иной, как Лир. Аналогия со Сталиным напрашивается сама собой. Сила его власти была такова, что ему достаточно было взглянуть на человека, чтобы все вокруг затрепетало. Скольких людей он погубил, а ему кричали «ура» и бросались ради него в огонь и воду.

Без Достоевского Шекспира нам не понять и не сыграть. С помощью Достоевского все невозможное в человеке становится понятным.

Шекспир относит действие «Короля Лира» к IX веку до нашей эры. Это очень важная ремарка, она говорит, что в мире ничего не меняется. И до наших дней не изменилось.

Но я постарался бы рассказать не только о деспоте, но и о том, как, пройдя путь страданий и мук, тиран превращается в человека, хотя окончательное прозрение пришло к нему лишь тогда, когда он увидел мертвую Корделию и понял, что ее смерть — дело его рук. Это он ее повесил, и Бог не дал ему больше жить.

Дети одной страны, мы все пережили много ужасного. И я испытал все, что довелось испытать огромному большинству: гибель родителей в 37-м году, тяжесть клейма сына «врагов народа», насильственную разлуку с сестрами, братом, нищету, войну — и все это научило меня многому. Пониманию даже того, что не поддается логическому истолкованию.

Имею в виду вдохновение, про которое сам думал, что оно приходит только свыше, как дар, а потом почувствовал, что оно может возникнуть от твоего отношения к действительности. К большой — то есть к государству и всему, что с ним связано, и к малой — к людям, которые с тобой рядом. Если ты или другое тебя задевает, заражает, если ты чувствуешь себя соучастником происходящего и судьбы людей тебе

близки, вдохновение тебя не минет.

И вовсе не обязательно думать в этот момент о профессии, о том, что тебе пригодится, а что нет. Откликаться на жизнь, и твоя душа будет сказываться в твоём деле. И не только в твоём — если ты «заражен», твои партнеры, а у меня замечательные партнеры, обязательно почувствуют твоё состояние. И я почувствую то, что они захотят мне передать. Не оттого ли спектакль может жить долго? Оттенки реальности меняются, актер на это реагирует и наполняет этим новым то, что играет. Это и есть импровизация.

Сравнение мое, наверное, слишком смело, но я не могу не думать, что когда мой отец, а он был священник, причащал молящихся, их вера соединялась с той, которую он им нес. Причастие есть таинство, и если нет вдохновения, то и таинства нет. Вернее, оно становится формальным. Я вспоминаю, что отец, прежде чем идти на литургию, каждый раз заново готовился к ней, не ел, молился, и это его особое состояние сказывалось, наверное, на церковной службе.

Теперь, когда я бываю в церкви, служба напоминает мне отца. В моей душе звучит его красивый голос, добрые слова, которые я слышал с детства. Как важно читать ребенку книги, которые задевают его душу. Они — те самые дрожжи, на которых «всходит» человек! Избежать встречи со злом невозможно, но если добро заложено в тебе с молоком матери, противостоять злу легче.

Отец говорил мне, что вера, если она в человеке истинна, пребывает с ним всегда и не нуждается во внешних проявлениях. Я редко посещаю службы и тому есть (для меня самого) объяснение, но на Пасху я бываю в церкви всегда. Это особый день, и если я в церковь не попаду, то стою на площади с людьми и ощущаю наш общий праздник. И свои грехи чувствую с особой силой и стыжусь их — каждую из заповедей я хоть в чем-то, но преступил.

Я прожил долгую жизнь и теперь могу сказать, что я счастливый человек. Бог дал мне многое, и, как мог, я это многое в благодарности за него старался выразить. Отдавал жизни то, что во мне есть и получал от этого радость и новое желание. Я или играю роль, или режу по дереву, или леплю, или рисую, или создаю из камней типы людей. А когда уйду со сцены, буду писать или делать что-нибудь еще. Круг моих дел будет сужаться, но я буду стараться приносить пользу близким. Не буду им обузой, не буду в тягость и надеюсь, что вера моя мне поможет.

Монолог записала
Натэла ЛОРДКИПАНИДЗЕ.
Фото Б. Стукалова.

